ПРАВОВОЙ СТАТУС САМАНИДОВ

doi 10.34920/2181-8207/2022/4-041

Шамсиддин Камолиддин,
Независимый исследователь, доктор исторических наук, профессор,

Annotation: The article deals with the question of the legal status of the Samanids dynasty, who ruled in the 9th – 10th centuries in Khurasan and Ma wara' al-nahr. In the Soviet historiography, it was generally accepted that the Samanids were the founders of their independent state, which was not subordinate to the 'Abbasids. Meanwhile, the information of the Arab sources of the 9th – 10th centuries, as well as the data of numismatics, indicate that the Samanids did not seek independence from the Arab Caliphate and considered themselves the governors of the 'Abbasids in Khurasan and Ma wara' al-nahr.

Keywords: Arab Caliphate, 'Abbasids, Khurasan, Ma wara' al-nahr, Bukhara, Samanids, statehood.

Аннотация: Мақолада 9 – 10 асрларда Хуросон ва Мовароуннаҳрда ҳукмронлик қилган Сомонийлар сулоласининг ҳуқуқий мақоми масаласи кўриб чиқилган. Шўролар даври тарихшунослигида Сомонийлар Аббосийларга бўйсунмаганлар ва ўз мустақил давлатига асос солганлар деб қабул қилинган эди. Бироқ 9 – 10 асрларга оид араб тилидаги манбалар, шунингдек, ўша давр тангаларидаги маълумотлар шуни кўрсатадики, Сомонийлар араб халифалигидан мустақил бўлишга интилмаганлар ва ўзларини Аббосийларнинг Хуросон ва Мовароуннаҳрдаги волийлари деб ҳисоблаганлар.

Калит сўзлар: Араб халифалиги, Аббосийлар, Хуросон, Мовароуннаҳр, Бухоро, Сомонийлар, давлатчилик.

Портрет правителя, изображенный на серебрянном дирхаме, выпущенном в 358/968-69 г. в Бухаре амиром Мансур ибн Нухом, не имеет ничего общего с сасанидской иконографией портретной живописи, и указывет на то, что доисламские предки Саманидов относились к совершенно другой культуре и этнической среде

В о второй пол. XX в. советскими востоковедами во главе с таджикским ученым Б.Гафуровым в политических целях был выдвинут тезис о так называемом «государстве Саманидов», существовавшем в IX – X вв. в Хорасане и Мавераннахре. В дальнейшем при поддержке Москвы эта идея была развита в среде таджикских ученых, которые объявили Саманидов «предками таджикского народа», а их правление отнесли к «истории таджикской государственности» [45]. Эта идея была горячо поддержана сначала иранскими учеными, а затем и проирански настроенными ориенталистами всего мира. С тех пор это мнение прочно укрепилось в мировом востоковедении, и многие выводы, сделанные 50 – 60 лет назад советскими учеными в политических целях, остаются актуальными по сей день.

Новейшие исследования позволяют прийти выводу, что Саманиды не имели никакого отношения к таджикам, и вообще к иранцам. Портрет правителя, изображенный на серебрянном дирхаме, выпущенном в 358/968-69 г. в Бухаре амиром Мансур ибн Нухом, не имеет ничего общего с сасанидской иконографией портретной живописи, и указывет на то, что доисламские предки Саманидов относились к совершенно другой культуре и этнической среде [75: с. 9 – 10; 76: с. 328; 77: с. 4, 6]. Дальнейшие исследования показали, что Саманиды были потомками тюркских йабгу Тохаристана, которые относились к семейству верховных правителей Западного Тюркского каганата [38: с. 43 – 70; 39: с. 113 – 119; 40: с. 99 – 125].

Вторым вопросом, требующим своего уточнения, является вопрос о так называемой «государственности» Саманидов, выдвинутый в вышеупомянутой книге Н.Негматова

[45], и поддержанный иранскими и некоторыми западными учеными [74]. В этой статье я решил высказать свою иную точку зрения по этому вопросу.

Как известно, любое исследование в области истории должно быть основано на источниках, а по мере возможности, на первоисточниках. Все остальное это догадки и выдумки, или фальсификации историков, сфабрикованные по заказу политиков. Я как специалист в области средневекового арабского источниковедения со всей ответственностью утверждаю, что ни в одном из источников IX – X вв., содержащих сведения о правлении Саманидов, в отношении них не использован термин даула – «государство». Во всех источниках их правление характеризуется такими словами как имара (امارة) – «правление» и вилайа (ولاية) – «наместничество». Термин ад-даула (الدولة), имеющий множество значений, использован в источниках того времени только для обозначения Арабского халифата и династии ‘Аббасидов.

Понятие «государственность»

Если смотреть на этот вопрос с юридической точки зрения, то никакого независимого государства в IX – X вв. в Средней Азии не было. Поскольку сам термин «госдарственность» является понятием юридическим, то и определение его должно быть основанным на правовых нормах. С точки зрения законодательства, на наш взгляд, система управления Саманидов, так же, как и само их правление, не может рассматриваться в качестве независимого государства. В средневековом исламском обществе на первом месте всегда стояла религия, затем государство, а потом культура [52: с. 24]. Основой государства в исламе является божественно открытый закон пророка Мухаммада (صلعم), основные положения которого сформулированы в шари‘ате. Религия и власть в исламе являются категориями не разделимыми [70: с. 1 – 2]. Поэтому строительство исламского государства происходило одновременно с формированием правовых норм мусульманского общества [78: с. 59]. В исламском обществе политика считалась единой и неотделимой от религии [78: с. 58, 60]. Известный мусульманский законовед XI в. Абу-л-Хасан ‘Али ибн Мухаммад ибн Хабиб ал-Маварди посвятил этому вопросу целую главу в своем труде «Насихат ал-мулук» («Назидание государям»), которая так и называется «Религия – основа государства» [6: с. 67].[1] (الدين اساس الملك)

Хотя в конце IX – X вв. центральная власть в ‘Аббасидском халифате значительно ослабела и в областях усилилась роль местных администраций, которые фактически были независимыми в делах внутреннего управления, все местные династии, в т. ч. и Саманиды, пусть даже и формально, но все же подчинялись багдадским халифам и признавали их верховную власть [67: с. 98]. С точки зрения закона, а правовые нормы в то время определялись шари‘атом, они были наместниками халифов в той или иной области и лишь пользовались широкими правами и полномочиями в административном управлении и ведении финансово-хозяйственных дел, которыми их наделили халифы. Другими словами, юридически Саманиды были всего лишь представителями местного административно-хозяйственного и финансового самоуправления, наделенного определенными полномочиями и правами со стороны багдадских халифов.

Официально, т. е. с точки зрения закона, Саманиды никогда не имели политической, а значит и правовой независимости. Согласно шари‘ату, олицетворявшего законность всех действий в мусульманском обществе, так же, как и по международному праву, Хорасан и Мавераннахр были неотъемлемой частью ‘Аббасидского халифата, а Саманиды – наместниками ‘Аббасидов, назначенными для управления этими областями. В своем управлении они руководствовались, в первую очередь, указаниями халифов и до конца своей власти не отступали от этого принципа [50: с. 6].

В сочинении «Зайн ал-ахбар», посвященном правителям Хорасана, Саманиды (всего их 10 правителей) занимают 61 – 69 места в общем списке наместников этой области, состоящем из 76 лиц [2: с. 22 – 23, 62 – 90]. В глазах багдадских правителей провинциальные правители, в т. ч. и Саманиды, являлись лишь вали (والي) или амир (امير), т. е. наместниками Хорасана [17: с. 306, 311], и ‘амил (عامل), т. е. сборщиками налогов, хотя в своих владениях, так же, как и предыду-

Если смотреть на этот вопрос с юридической точки зрения, то никакого независимого государства в IX – X вв. в Средней Азии не было. Поскольку сам термин «госдарственность» является понятием юридическим, то и определение его должно быть основанным на правовых нормах

Хотя в конце IX – X вв. центральная власть в ‘Аббасидском халифате значительно ослабела и в областях усилилась роль местных администраций, которые фактически были независимыми в делах внутреннего управления, все местные династии

1 Это твердое правило, как и многое другое, было заимствовано в исламе из зороастризма. Так, ат-Табари приводит высказываение одного зороастрийского священника (мобед), который сказал наместнику (марзбан) Мерва Махуйе: «Религия и царская власть неразрывно взаимосвязаны, и каждая может держаться только благодаря другой…» [23 I: с. 2874].

щие арабские наместники, они были вполне самостоятельными [25: с. 285]. Наместникам и военачальникам завоеванных областей полагалось носить специально установленное почетное одеяние, которое жаловал им сам халиф, и этого правила придерживались все удельные правители, в т. ч. и Саманиды [12: с. 67 – 68].

В арабских источниках нет указаний о каком-либо распаде ‘Аббасидского халифата, а говорится лишь об утрате его былого могущества, процветания и твердого законодательства, об упадке былого величия и изменении порядков

Мусульманское духовенство и отряды газиев

В арабских источниках нет указаний о каком-либо распаде ‘Аббасидского халифата, а говорится лишь об утрате его былого могущества, процветания и твердого законодательства, об упадке былого величия и изменении порядков [12: с. 23 – 24, 27]. Однако, несмотря на это, власть ‘Аббасидского халифа была еще сильна, и почти весь мусульманский мир, за исключением некоторых провинциальных правителей (Фатимиды, испанские Умаййады, карматы Бахрейна), признавал себя вассалом ‘Аббасидов [43: с. 30 – 31], сохраняя видимость подчинения духовно-политической власти главе мусульман – халифу [44: с. 5].

Здесь возникает закономерный вопрос, если халифы не имели достаточной военной силы, то какими рычагами они обладали для осуществления своей власти в областях, в частности, в Хорасане и Мавераннахре? Во-первых, в системе административного управления халифата функционировало специальное ведомство, занимавшееся обеспечением сюзеренитета всех подчиненных областей государства [37: с. 61]. Когда в 207/822-23 г. Тахир ибн ал-Хусайн осмелился воздержаться от упоминания халифа ал-Ма’муна на пятничной проповеди, он тут же был отравлен людьми, верными ‘Аббасидам [3 VI: с. 156].

Во-вторых, ‘Аббасидский халифат был теократическим государством, в котором власть была основана не на силе, а на вере. В средневековом исламском обществе огромная власть принадлежала мусульманскому духовенству, которое контролировало все действия, в т. ч. и действия правителей. Малейшее отклонение от норм шари‘ата встречало мгновенную реакцию и противодействие факихов и казиев, большинство которых в Хорасане и Мавераннахре составляли арабско- персидские переселенцы, т. е. люди, верные ‘Аббасидским халифам. Ранние Саманиды были глубоко религиозными людьми, знатоками и передатчиками хадисов [9 VII: с. 12 – 13]. В своей власти они опирались, с одной стороны, на дихкан, а с другой – на духовенство. Руководствуясь политикой внедрения ислама в регионе, которую проводили ‘Аббасиды, Саманиды вели «священные» войны против так называемых «неверных» тюрков, т. е. тюрков и согдийцев, отвергавших ислам и исповедовавших религию своих предков. Так, в 225/839-40 г. Нух ибн Асад завоевал Исфиджаб [9 VII: с. 13] и построил вокруг него стену [14: с. 422]. Отмечается также поход Нуха ибн Асада в аш-Шаш [8: с. 122]. Наср ибн Ахмад во главе 300 тысячной армии совершил поход в Шаугар [17: с. 291; 16: с. 467]. В 280/893-94 г. Исма‘ил ибн Ахмад завоевал Тараз и превратил большую церковь в соборную мечеть [19 VIII: с. 144, 321; 7: с. 80; 3 VII: с. 185, 216]. С другой стороны, Саманиды вели активную пропаганду ислама среди тюрков. В результате этих действий в IX – X вв. тюркское население низовьев Сырдарьи уже исповедовало ислам, хотя эти территории не входили в состав владений Саманидов [28: с. 240]. В местности между городами Бараб, Кандждех и Шаш были пастбища, на которых около тысячи домов кочевых тюрков приняли ислам [15: с. 119; 16: с. 511]. В источниках отмечается, что принявшие ислам тюрки-огузы Хорезма стали называть себя «туркменами», и вели ожесточенную войну против своих же соплеменников, которые еще не приняли ислам [20: с. 18]. Город Сутканд в нижнем течении Сырдарьи был населен огузами и карлуками, которые уже приняли ислам и вели войны против неверных тюрков [16: с. 511]. Около 310/922-23 г. ислам принял сам правитель огузов, который совершил паломничество (хаджж) в Мекку и Мадину, и, прибыв в Багдад, встретился с халифом ал-Муктадир би-ллахом [19 II: с. 16]. В 349/960-61 г. ислам приняли около 200 тыс. юрт кочевых тюрков [3 VIII: с. 210], предположительно из Семиречья [26: с. 46; 27: с. 125]. Саманидский амир Нух ибн Наср с целью распространения ислама даже вступил в родственные отношения с карлукскими правителями Восточного Туркестана, женившись на их принцессе [4: с. 150; 66: с. 4 – 5; 56: с. 8 – 9]. Позже Саманиды сыграли решающую роль в принятии ислама Караханидами [5: с. 103 – 104].

В-третьих, в IX – первой пол. X вв. в Самарканде, Шаше и Фергане были дислоцированы многочисленные отряды так называемых «борцов за веру» (ал-гази الغازي), которые вели «священную войну» (джи-

Во-вторых, ‘Аббасидский халифат был теократическим государством, в котором власть была основана не на силе, а на вере. В средневековом исламском обществе огромная власть принадлежала мусульманскому духовенству, которое контролировало все действия

С другой стороны, Саманиды вели активную пропаганду ислама среди тюрков. В результате этих действий в IX – X вв. тюркское население низовьев Сырдарьи уже исповедовало ислам, хотя эти территории не входили в состав владений Саманидов

хад جهاد) против иноверцев. В эти отряды, управлявшиеся духовенством, стекались «добровольцы» (ал-мутавви'ун المطوعون), т. е. правоверные мусульмане со всех концов мусульманского мира, в основном, арабы и персы. Центром этих отрядов газиев был Самарканд. Эти отряды дислоцировались в рибатах[2], и постоянно пополнялись новыми добровольцами[3]. При Насре ибн Ахмаде отряды газиев насчитывали 40 тыс. всадников. Саманиды были в тесном контакте с этими отрядами, придавали им большое значение и принимали личное участие в похоронах погибших газиев, читая похоронную молитву над ними [8: с. 91].

Таким образом, высокий авторитет и власть духовенства, наличие вооруженных отрядов мусульманских «борцов за веру», управлявшихся духовенством, так же, как и глубокая религиозность самих Саманидов, обеспечивали беспрекословное выполнение всех предписаний шари'ата, в т. ч. и соблюдение вертикали власти. После завершения «священных» войн была сформирована регулярная армия, основу которой составляли тюркские гуламы – элитные военные рабы, которые с детства воспитывались в духе исключительной преданности своим правителям и общеисламским ценностям. Все военачальники Саманидов были глубоко религиозными людьми, а некоторые из них, например, Фа'ик ал-Хасса, зани- мались изучением и передачей хадисов [22: с. 674 – 675 (№ 1187)].

Внешние признаки статуса Саманидов

Любое административно-управленческое образование для определения его «независимым государством» по своим признакам должно было отвечать нескольким требованиям, а именно выпускать монеты от своего имени, иметь государственную границу, иметь независимые внешние связи и др. Саманиды, будучи правителями Хорасана и Мавераннахра, не обладали ни одним из этих признаков.

Во-первых, правление Саманидов считалось законным только при наличии специальной грамоты (маншур), выдаваемой багдадскими халифами. Когда Исма'ил ибн Ахмад, победив в 287/900 г. Саффарида 'Амра ибн ал-Лайса, фактически завоевал Хорасан, то грамоту на право владения им он получил от халифа [3 VII: с. 198 – 199]. Этот акт имел символическое значение – тем самым подчеркивалась зависимость Саманидов от властителей Багдада. После смерти Исма'ила в 295/907-08 г. на престол был возведен его сын Наср, который также получил специальную грамоту о назначении от халифа ал-Муктафи [3 VIII: с. 2]. Таким же образом назначались и утверждались все остальные Саманиды. Правление любого из представителей этой династии не могло считаться законным, если он не имел соответствующей грамоты от багдадского халифа. И никто из саманидских амиров никогда не оспаривал такое существующее положение дел и не претендовал на большее, чем то, что уже имел. Исма'ил ибн Ахмад, или точнее его брат Наср, осуществил формальное провозглашение независимости Саманидов от Хорасана и Саффаридов, но не от 'Аббасидов, о чем свидетельствуют чеканенные ими монеты [67: с. 93, 128 – 135; 54: с. 112]. Ибн ал-Асир специально прокомментировал этот факт, отметив, что «в 261/874-75 г. Наср ибн Ахмад стал управлять Мавераннахром со стороны халифа, тогда как раньше он правил им со стороны правителей Хорасана», т. е. Тахиридов [3 VII: с. 111]. Ибн Хаукал пишет, что «правители Бухары добивались самостоятельности от Хурасана до тех пор, пока [не] кончилось время [правления династии] Тахиридов» [Ibn Haukal: 491]. Поэтому Саманидов правильнее будет называть в лучшем случае династией полунезависимых правителей Хорасана и Мавераннахра в составе исламской империи [67: с. 98], которые имели только частичную финансовую, но отнюдь не политическую самостоятельность [71: с. 728].

Во-вторых, в каждой хутбе, т. е. проповеди, читавшейся перед пятничной молитвой в мечетях на всей территории, подвластной Саманидам, было обязательным прославление багдадского халифа после пророка Мухаммада (صلعم) и перед саманидским амиром [12: с. 91; 3 IX: с. 61], что было определено законом [70: с. 2]. В 'Аббасидском халифате официальных признаков различия

Любое административно-управленческое образование для определения его «независимым государством» по своим признакам должно было отвечать нескольким требованиям, а именно выпускать монеты от своего имени, иметь государственную границу, иметь независимые внешние связи

Ибн ал-Асир специально прокомментировал этот факт, отметив, что «в 261/874-75 г. Наср ибн Ахмад стал управлять Мавераннахром со стороны халифа, тогда как раньше он правил им со стороны правителей Хорасана», т. е

2 Один из крупнейших таких рибатов был в окрестностях Узганда и Оша [21: с. 272]. Рибаты упоминаются также в Вашджирде и Исфиджабе [47: с. 48].

3 В источниках приводятся имена целого ряда лиц, служивших в отрядах газиев и имевших нисбы ал-Гази и ал-Мутавви'и [22: с. 281 (№ 452); 329 (№ 533); 339 (№ 551); 386 (№ 647); 400 (№ 679); 405 (№ 690); 495 (№ 861); 569 (№ 1000)]. На древних кладбищах найдено множество надгробных памятников с арабскими надписями, среди которых встречаются имена с нисбой ал-Гази [68: с. 80 – 83].

для областных правителей не существовало. Как и за любого другого наместника, за них молились после молитвы о здравии халифа [42: с. 25]. Хутба, так же, как и суры Корана и хадисы, должна была читаться только на арабском языке [72: с. 3]. Это твердое правило соблюдалось всеми удельными правителями, в т. ч. Саманидами.

В-третьих, первые Саманиды выпускали только медные фельсы, которые и в дальнейшем составляли основу денежного обращения на внутреннем рынке [31: с. 38 – 39; 35: с. 190 – 198]. Кроме них для внутреннего рынка Саманиды выпускали также так называемые «черные» дирхамы мусаййаби, мухаммади и гитрифи, чеканенные по типу монет бухар-худатов доисламского времени, которые различались качеством металла – соотношением серебра и меди в их составе. Серебрянные монеты исма'или, чеканенные Саманидами для внешней торговли, выпускались по общехалифатскому образцу, и на них было обязательным упоминание халифа как главы государства, в состав которого входили и владения Саманидов [34: с. 126 – 130; 63: с. 139, 140, 141, 144; 150, 151; 65: с. 345 – 350], что также было определено законом [70: с. 2]. Саманиды выпускали также в небольшом количестве высокопробные золотые динары, которые, однако, не имели штучного обращения, а считались товаром и принимались на вес, т. е. выполняли функцию сокровища и мировых денег [7: с. 44 – 45; 32: с. 105 – 110; 1978: 24]. Кроме того, во владениях Саманидов имели обращение не только их монеты, но также динары, дирхамы и даже фельсы других правящих династий халифата, таких как 'Аббасиды (Ирак), Тулуниды (Египет), Буиды (Иран), Зийариды (Джурджан), 'Алиды (Табаристан) и др. [36: с. 150 – 151]. Имели хождение также монеты арабских наместников Хорасана, предшествовавших Саманидам. Иначе говоря, денежное обращение на территории, подвластной Саманадам, не было изолированным, а составляло часть денежной системы 'Аббасидского халифата.

Серебрянные монеты исма'или, чеканенные Саманидами для внешней торговли, выпускались по общехалифатскому образцу, и на них было обязательным упоминание халифа как главы государства, в состав которого входили и владения Саманидов

Саманиды выпускали также в небольшом количестве высокопробные золотые динары, которые, однако, не имели штучного обращения, а считались товаром и принимались на вес, т. е. выполняли функцию сокровища и мировых денег

В-четвертых, границы владений Саманидов на западе и на юге являлись не государственными, а административными границами внутри 'Аббасидского халифата. По представлению географов X в. границы распространения ислама на северо-востоке совпадали с границами владений Саманидов [27: с. 125]. Что касается северных и восточных границ их владений, где они граничили с Карлукским и Уйгурским каганатами, Тибетом и Индией, то они совпадали с внешними государственными границами 'Аббасидского халифата [50: с. 7]. В источниках IX – X вв. вся территория 'Аббасидского халифата рассматривается как единое целое, составлявшее 'амал (т. е. империю) повелителя правоверных, который простирался от Ферганы и крайних пределов Хорасана до Тенджера на западе на 3700 фарсахов, а от Кавказа до Джидды – на 600 фарсахов [19 IV: с. 38]. Вся эта территория называлась мамлакат ал-ислам, т. е. «империей ислама» и не имела внутренних политических границ [17: с. 11, 12; 16: с. 10, 71, 524]. Любой мусульманин мог свободно передвигаться по всей этой территории, не подвергаясь какой-либо опасности. Ученые и писатели могли беспрепятственно приезжать «в поисках знаний» из Бухары и Самарканда в Багдад, Дамаск или ал-Магриб, и, наоборот, из Андалусии и ал-Магриба в Балх, Самарканд или Бухару. В сочинениях арабских географов IX – X вв. весь исламский мир, т. е. 'Аббасидский халифат было принято делить на 22 области, из которых последними на востоке были Хорасан и Мавераннахр.

В-пятых, Саманиды были независимыми только в ведении внутренней политики, которая была заранее определена 'Аббасидскими халифами. Что касается внешних политических связей, то они проводились только при согласовании с Багдадом и при отстаивании интересов халифата. Насколько известно, Саманиды не имели почти никаких внешних политических связей с зарубежными странами. Так, последнее посольство из Средней Азии к Китайскому двору было отправлено в 761 г. от правителя Ферганы. После этого в китайских летописях не было зафиксировано ни одного посольства из этого региона [53: с. 583 – 585]. Саманиды имели тесные торгово-экономические отношения с зарубежными странами, в частности с Поволжьем, о чем свидетельствует тот факт, что маршрут посольства халифа ал-Муктадира 309/921-22 г., подробно описанный Ибн Фадланом, пролегал не по ближайшему пути через Кавказ, а через Бухару и Хорезм [27: с. 124]. Однако, эти торговые связи не служили государственным интересам 'Аббасидского халифата, главной целью которого во внешней политике, было распространение ислама. Успехами этих торговых связей больше пользовались христиане и манихеи, которые вели активную миссионерскую де-

ятельность в соседних странах [27: с. 125]. Саманиды даже не стремились поддерживать политико-дипломатические отношения с зарубежными странами, где не был распространен ислам, а всего лишь играли роль посредников в дипломатических отношениях ‘Аббасидских халифов. Случаи внешних сношений правителей областей, в т. ч. Саманидов, с другими государствами заключались, главным образом, в ведении завоевательных войн, получении установленной дани и распространении ислама. Эти единичные связи никак не могут сравниться с полноценными и равноправными дипломатическими отношениями, которые имели ‘Аббасидские халифы с правителями других государств[4].

В-шестых, Саманиды ежегодно платили ‘Аббасидским халифам установленные налоги и дань. Л.Тредвел пишет, что в отличие от Тахиридов в X в. Саманиды не отправляли регулярно дань халифам [74: с. 271 – 272]. Однако, Саманиды в отличие от Тахиридов охраняли восточную границу халифата и вели так называемые «священные войны» против «неверных тюрков». Поэтому Мавераннахр называли билад ас-сагр (بلاد الثغر) – «пограничная страна». В сер. X в. общая сумма собираемых налогов в Хорасане и Мавераннахре составляла более 40 млн дирхамов [16: с. 469]. Халифы оставляли большую часть налогов Саманидам, чтобы они могли тратить их на покупку оружия и военные походы. Мавераннахр был крупным поставщиков рабов в центральную часть Арабского халифата. Установленный налог Хорасана и Мавераннахра включал ежегодную поставку в Багдад 1012 рабов. Саманидские власти контролировали экспорт рабов, накладывая при переправе через Амударью за каждого тюркского раба пошлину от 70 до 100 дирхамов [21: с. 340]. Основной целью так называемых «священных» войн против «неверных» тюрков, которые вели отряды «борцов за веру» (ал-гази) под руководством Саманидов, был именно захват рабов для дальнейшей их поставки в Багдад [61: с. 203 – 204]. Кроме того, халифы в случае необходимости могли расчитывать на армию Саманидов для подавления антихалифатских восстаний и мятежей. В свою очередь, Саманиды были не слишком требовательны к правителям подчиненных им областей. Так, правители Ферганы, Хорезма, Хутталана, Гузганана, Гарчистана и Сиджистана были фактически независимыми от Саманидов, и вместо налогов отправляли им подарки [45: с. 127]. Правители Исбиджаба ежегодно отправляли Саманидам «4 даника и метлу вместе с подарками, а правители ас-Саганийана платили незначительную сумму [21: с. 340]. Однако это не означало, что они были полностью независимыми от центральной власти.

В-седьмых, хотя Саманиды поддерживали новоперсидский язык (фарси) и персоязычную литературу, государственным языком оставался арабский. Вся официальная переписка с Багдадом и другими правителями велась только на арабском языке [57: с. 61]. Письменным официальным арабским языком был язык арабов Хорасана, построенный в кораническом стиле и основанный на диалекте мекканского племени Курайш [21: с. 32]. Был также устный официальный арабский язык, сформировавшийся в Куфе и Басре при ‘Аббасидах и несколько отличавшийся от первого. Кроме того, использовались различные арабские диалекты [60: с. 131]. Поэзия при Саманидах также была преимущественно арабоязычной [10; 24; 57: с. 69][5] и частично двуязычной, и непременно переводилась с персидского на арабский[6]. Поэты и ученые Средней Азии перелагали в стихи также хадисы. Пятничные проповеди (хутба) велись также исключительно на арабском языке. Арабский язык был единственным, использовавшимся не только в государственной переписке, но также в религиозной и юридической литературе, науке и философии [59: с. 70]. Его широко использовали религиозные деятели (‘улама’), литераторы (удаба’) и канцелярские работники (куттаб) [60: с. 131]. Учет налогов, арендные документы, расписки и обязательства, переписка с центром халифата – все это велось и писалось на арабском языке [41: с. 46]. Все надписи на монетах Саманидов писались

Саманиды даже не стремились поддерживать политико-дипломатические отношения с зарубежными странами, где не был распространен ислам, а всего лишь играли роль посредников в дипломатических отношениях ‘Аббасидских халифов

Мавераннахр был крупным поставщиков рабов в центральную часть Арабского халифата. Установленный налог Хорасана и Мавераннахра включал ежегодную поставку в Багдад 1012 рабов

Саманиды поддерживали новоперсидский язык (фарси) и персоязычную литературу, государственным языком оставался арабский. Вся официальная переписка с Багдадом и другими правителями велась только на арабском языке

4 Например, с церемонией приема посла государя Рума, прибывшего к халифу ал-Мукта- диру би-ллах [12: с. 26] или с подарками государей ал-Хинда, ар-Рума и ас-Сина халифам Харуну ар-Рашиду, ал-Ма’муну, ар-Ради, ал-Мустансиру и даже вазиру ал-Хасану ибн Сахлу [4: с. 9, 20, 21 – 22, 28, 32, 60, 74, 76].

5 Всего известны имена более 120 арабоязычных поэтов, служивших при различных дворах саманидских правителей [10: Указатель имен].

6 В источниках приводятся биографии всего лишь нескольких двуязычных поэтов, в числе которых был и Рудаки.

исключительно на арабском языке. В точных науках также использовался, главным образом, только арабский язык.

Исходя из вышеизложенных данных, на наш взгляд, правление Саманидов в Средней Азии следует рассматривать не как независимое суверенное государство, а как правление династии местных правителей, назначенных Багдадом в качестве наместников, и проводивших относительно самостоятельную внутреннюю хозяйственно-финансовую политику, пользуясь определенными полномочиями, которыми их наделили ‘Аббасидские халифы. Огромные размеры исламского государства вынуждали халифов прибегать к помощи института вице-королей.

Правление Саманидов в Средней Азии следует рассматривать не как независимое суверенное государство, а как правление династии местных правителей, назначенных Багдадом в качестве наместников, и проводивших относительно самостоятельную внутреннюю хозяйственно-финансовую политику

Саманиды были ревностными приверженцами халифата [58 I: с. 144] и неизменно высказывали себя верными служителями багдадских халифов, постоянно посылая им дары. Ахмад ибн Исма‘ил после очередной победы над «неверными» тюрками в 301/913 г. даже усиленно домогался придворной должности начальника полиции (сахиб ашшурта) Багдада и областей Фарс и Керман, когда этот пост освободился после смерти последнего Тахирида. Однако ему была выписана грамота только на область Керман [13: с. 43]. В 288/901 г. его отец Исма‘ил ибн Ахмад после победы над Саффаридом ‘Амр ибн ал-Лайсом и присоединения Хорасана к своим владениям, отправил плененного ‘Амра к халифу ал-Му‘тадиду, признавая себя тем самым его наместником [3 VII: с. 199]. В 309/921-22 г. после подавления Саманидами мятежа дайламитов в Джурджане, Наср ибн Ахмад как наместник халифа отправил голову казненного главаря мятежников Лайлы ибн ан-Ну‘мана ад-Дайлами в Багдад [3 VIII: с. 46]. В 329/940-41 г. после убийства Макана ибн Кали в Рее его голова также была отправлена сначала в Бухару, а затем в Багдад [3 VIII: с. 143]. Так же Саманиды поступили и в 330/941 г. с головой другого казненного ими мятежника [42: с. 27].

Все свои поступки Саманиды совершали по согласованию с Багдадом. Даже строительство мавзолея Саманидов в Бухаре было начато по примеру ‘Аббасидов, после того как мать халифа ал-Мунтасира (ум. в 248/862-63 г.) возвела для него мавзолей Куббат ас-Сулабиййа [46: с. 23].

Титулатура Саманидов

Саманидские правители, как наместники (вали) Хорасана, являвшегося частью ‘Аббасидского халифата [17: с. 306, 311], носили скромный титул амир (امير) – «приказчик», а также скромный эпитет Маула Амир ал-му’инин («Клиент Повелителя правоверных») или Вали Амир ал-му’минин («Наместник Повелителя правоверных») [12: с. 76, 84 – 85, 94; 9 VII: с. 12; 30: с. 92 – 93]. После захвата Багдада иранскими шиитами-Буидами (334/945-46 г.) в 335/946-47 г. на монетах Нуха ибн Насра рядом с его прежним титулом ал-амир появляется новый титул ал-малик ал-му’аййад (الملك المؤيد), что означает «поддерживаемый правитель» [55: с. 214]. До этого Саманидские правители такой титул не использовали, хотя, по данным Э.Цамбаура, царский титул ал-малик (الملك) впервые появился еще на монетах Насра ибн Ахмада (правил в 250 – 279/864 – 892 гг.) [79: с. 202].

По мнению Л.Тредвела, титул ал-муаййад мин ас-сама’ (الملك المؤيد من السماء) на монетах Нуха ибн Насра означал «требование Нуха иметь статус наместника бога, а также статус «царя». Таким образом, становится ясно, что уже в 335 г.х. Нух выдвинул требование получения статуса наместника бога и отвергнул существующее положение, при котором эту роль играл халиф» [49: с. 91 – 93].

Относительно титула ал-малик следует отметить, что не только на монетах, но и в некоторых источниках X в. саманидские правители именуются мулук Хурасан (ملوك خراسان) – «правителями Хорасана» [17: с. 143, 292; 16: с. 468; 21: с. 260] или малик-и Машрик (ملك مشرق) – «правитель Востока» [15: с. 112]. Наршахи при характеристике саманидских правителей до Нуха ибн Насра включительно употребляет слово имарат (امارت), т. е. правление, и лишь начиная с ‘Абд ал-Малика ибн Нуха (правил в 343 – 350/954 – 961 гг.) использует слово мулк (ملك), т. е. царствование [7: с. 89]. Последний, по другим данным, был прозван ал-амир ал-му’аййад [29: с. 145][7] или ал-малик ал-му’аййад [79: с. 202], тогда как Нух ибн Наср – ал-амир ал-хамид или ал-малик ал-хамид. Определение ал-му’аййад (المؤيد), на наш взгляд, можно также читать ал-му’аййид [8](المؤيد), что в арабском означает «поддерживающий, сочувствующий». Это определение могло выражать отношение Саманидов к ‘Аббасидам, оказавшимся в пле-

Наршахи при характеристике саманидских правителей до Нуха ибн Насра включительно употребляет слово имарат (امارت), т. е. правление, и лишь начиная с ‘Абд ал-Малика ибн Нуха (правил в 343 – 350/954 – 961 гг.) использует слово мулк

7 У Наршахи – амир-и рашид [7: с. 90].
8 Если оно без дополнения мин ас-сама’ (من السماء) – «с неба», «свыше».

ну у Буидов. Следовательно, ‘Абд ал-Малик считался преемником Нуха в его борьбе против шиитов-Буидов.

Титулы ал-амир и ал-малик использовались параллельно в титулатуре Насра II ибн Ахмада, Нуха I ибн Насра, ‘Абд ал-Малика I ибн Нуха, Мансура I ибн Нуха и Нуха II ибн Мансура [79: с. 202]. ‘Абд ал-Малик ибн Нух носил также титул ал-Малик ал-Муваффак, Мансур ибн Нух – ал-Малик ал-Музаффар и ал-Малик ал-Му‘аззам, а Нух ибн Мансур – ал-Малик ал-Мансур [55: с. 214].

Царский титул ал-малик, во-первых, мог выражать ответную реакцию Саманидов на действия иранских Буидов, так как примерно в это же время на монетах иранских Буидов появляются царские титулы шаханшах (шах шахов) и ал-малик ал-му‘аззам (великий правитель) [4: с. 78]. По некоторым данным, саманид Нух ибн Мансур, известный как ал-Амир ар-Рида [29: с. 145] или ал-Амир ар-Рашид [7: с. 90], называл себя также шаханшахом [11: с. 158].

Во-вторых, титул ал-малик мог означать не царский титул в прямом смысле этого слова, а отражать звание мулук ат-тава’иф (ملوك الطوائف) – «удельные правители» или мулук ал-атраф (ملوك الاطراف) – «правители областей», которыми халифы иногда называли местных правителей отдаленных областей халифата. Обычно так назывались доисламские правители этих областей [18: с. 294], но иногда так назывались и принявшие ислам местные правители. Так, например, назывались амиры Чаганиана, Хутталана, Балха, правители (мулук) Гузганана, дихканы Ферганы и др. [15: с. 105 – 106, 114 – 116]. Удельные правители, носившие титул малик, указывали на монетах кроме своего имени также и титулы верховных правителей [51: с. 45]. Потомок доисламского правителя Согда Гурака, участвовавший в судебном процессе, учиненном над Афшином в 225/840 г. при дворе халифа в Багдаде, называется «дихканом Согда и одним из правителей (мулук) Согда» [23 III: с. 1311; 48: с. 70], хотя фактически никакой политической власти он не имел. Известно, что сами халифы наделяли отдельных правителей неарабского происхождения доисламскими царскими титулами. Так, халиф ал-Му‘тасим би-ллах наградил Хайдара ибн Кавуса титулом афшин, который был царским титулом доисламских правителей Усрушаны; халиф ар-Ради би-ллах наградил Мухаммада ибн Тугджа титулом ихшид, который был царским титулом доисламских правителей Ферганы и др. [12: с. 90].

Саманиды назывались ‘уммал Хурасан (عمال خراسان) – «сборщиками налогов Хорасана», тогда как подвластные им местные тюркские правители в пограничных областях Средней Азии назывались мулук ал-атраф (ملوك الاطراف) – «удельными правителями» [15: с. 102]. Несмотря на свое могущество и силу Газнавиды Сабуктегин, Исма‘ил и Махмуд в первое время своего правления признавали верховную власть Саманидов и называли себя на своих монетах «правителями областей». Так было до самого падения Саманидов в 389/998-99 г., когда Газнавиды объявили себя независимыми, и это событие было ознаменовано выпуском медали Махмуда и прибавлением титула амир к его другим титулам (ал-Амир ас-Саййид Йамин ад-Даула ва Амин ал-Милла). При этом сохранялось и упоминание халифа ал-Кадира би-ллаха на динаре 390/999-1000 г., чеканенном в Нишапуре [73: с. 267 – 386].

Исходя из этих данных, можно заключить, что титул ал-малик в титулатуре Саманидов означал не притязание на царскую власть, а царское происхождение династии Саманидов. Появление этого титула на монетах Нуха ибн Насра рядом с его прежним титулом ал-амир было связано не со стремлением к независимости и притязаниями на статус верховного правителя [49: с. 93], а скорее, с их противостоянием Буидским правителям, захватившим Багдад и посадившим на халифский престол своего ставленника ал-Мути‘ ли-ллаха (правил в 334 – 363/946 – 974 гг.). Именно с этим был связан и военный поход, совершенный в 382/992 г. войсками Саманидов с целью захвата власти в Багдаде и освобождения ‘Аббасидов из Буидского плена [42: с. 131].

Другими словами мнение, высказанное Л.Тредвелом относительно титула Нуха ибн Насра, не выдерживает даже элементарной критики. Во-первых, оно не подтверждается данными письменных источников. Во-вторых, схожий величественный титул амир ал-умара’ ал-муаййад мин ас-сама’ (امير الامراء المؤيد من السماء) – «амир амиров, поддерживаемый с неба» написан на монетах саманидского наместника Хорасана Абу ‘Али Симджури [55: с. 215]. Слова ал-муаййад мин ас-сама’ (المؤيد من السماء) не означают претензию на статус «наместника бога», т. е. верховную власть. Эти слова, имевшие религиозную подоплеку, могли исполь- зоваться не только в отношении правителей, но и их подчиненных, а сре-

Царский титул ал-малик, во-первых, мог выражать ответную реакцию Саманидов на действия иранских Буидов, так как примерно в это же время на монетах иранских Буидов появляются царские титулы шаханшах (шах шахов) и ал-малик ал-му‘аззам (великий правитель)

Несмотря на свое могущество и силу Газнавиды Сабуктегин, Исма‘ил и Махмуд в первое время своего правления признавали верховную власть Саманидов и называли себя на своих монетах «правителями областей»

Исходя из этих данных, можно заключить, что титул ал-малик в титулатуре Саманидов означал не притязание на царскую власть, а царское происхождение династии Саманидов

ди суфиев в отношении их духовных наставников и кумиров (муршид, пир).

Дело в том, что поначалу Саманиды не хотели признавать халифом ал-Мути‘ ли-ллаха – ставленника Буидов. Поэтому на нескольких дирха- мах Бухары 336 – 346/947 – 957 гг. имя халифа не упоминается. Имя халифа отсутствует и в нескольких выпусках чекана Бадахшана и Анда- рабы, в период 367 – 385/977 – 996 гг., когда области верхней Амударьи вышли из-под контроля Саманидов [64: с. 2; 62: с. 197 – 221]. Но в целом никакого противостояния ‘Аббасидам не было, не говоря уже о претензии на верховную власть в халифате. Слова ал-муаййад мин ас-сама’ (المؤيد من السماء) на нескольких монетах служили лишь в качестве оправдания за отсутствие имени халифа, что было равносильно мятежу.

В условиях фактического игнорирования ими власти ‘Аббасидов наличие этих эпитетов придавало легитимность их власти в глазах своих суннитских подданных. Саманиды к таким эпитетам не стремились и довольствовались куньями

За хорошую службу и верность халифату, ‘Аббасиды удостаивали как своих чиновников, так и правителей областей, различными званиями и эпитетами «друга», «пособника» или «опоры» династии (ад-даула)[9], т.е. ‘Аббасидов – ‘Адуд ад-Даула, Тадж ал-Милла, Баха’ ад-Даула и т.д.[10] Эти почетные прозвания с ад-даула вошли в моду, начиная со второй пол. X в., особенно у шиитских правителей – Буидов в Иране и Фатими- дов в Египте. В условиях фактического игнорирования ими власти ‘Аббасидов наличие этих эпитетов придавало легитимность их власти в глазах своих суннитских подданных. Саманиды к таким эпитетам не стремились и довольствовались куньями. При жизни их называли ал-Малик ал-Муаййад, ал-Муваффак, ал-Мансур, ал-Му‘аззам, ал-Мунта- сир [1: с. 150], а после смерти: ал-Амир ал-‘Адил (Справедли- вый эмир), ал-Амир ас-Са‘ид (Счастливый эмир), ал-Амир ал-Хамид (Славный эмир), ал-Амир ар-Рашид (Благоразумный эмир), ал-Амир ас-Садид (Эмир, обладающий прямотой речей и поступков) и др. [42: с. 131]. Но своим полководцам они, подражая халифам, давали почетные прозвания Насир ад-Даула, ‘Имад ад-Даула, Хусам ад-Даула, Сайф ад-Даула, Синан ад-Даула, Му‘ин ад-Даула, Насир ад-Даула [1: с. 150]. Так, эпитеты с ад-даула имели их тюркские военальники, например, сипахсалар Таш Хаджиб имел эпитеты Хусам ад-Даула и Сайф ад-Даула [2: с. 81], амир Фа’ик ал-Хасса – ‘Амид ад-Даула [8: с. 527; 9 V: с. 21], амир Бегтузун – Синан ад-Даула [1: с. 149], сипахсалар Абу-л-Хасан Симджури назывался Насир ад-Даула, его сын Абу ‘Али Симджури – ‘Имад ад-Даула, а Абу-Музаффар Ахмад ибн Мухаммад из династии Мухтаджидов – Фахр ад-Даула [55: с. 215].

Правление Саманидов считалось законным только при наличии специальной грамоты халифа о назначении их наместниками Хорасана. Саманиды официально признавали верховную власть халифов и упоминали их имена в пятничных проповедях (хутба) и на своих монетах

Некоторые из таких эпитетов присуждал им сам халиф за особые заслуги в борьбе против неверных или мятежников. Но несомненно одно – и в том, и в другом случаях слово ад-даула означало Арабский халифат и династию ‘Аббасидов.

Заключение

Таким образом, все вышеизложенные данные позволяют нам с достаточным основанием считать, что хотя Саманиды были самостоятельными в ведении внутренней хозяйственно-финансовой политики, их правление было строго ограничено определенными правами, которыми их наделили халифы. Саманиды ежегодно платили все налоги и подати ‘Аббасидским халифам и регулярно в установленное время отправляли их в Багдад. Границы владений Саманидов с остальной частью ‘Аббасидского халифата не были государственными, а считались административными. Внешние границы владений Саманидов совпадали с внешними границами ‘Аббасидского халифата. Внешняя политика Саманидов проводилась исключительно в интересах ‘Аббасидского халифата при согласовании с Багдадом. Правление Саманидов считалось законным только при наличии специальной грамоты халифа о назначении их наместниками Хорасана. Саманиды официально признавали верховную власть халифов и упоминали их имена в пятничных проповедях (хутба) и на своих монетах. На всей территории, подвластной Саманидам, официальным языком был арабский. Новоперсидский язык использовался лишь в узком кругу незначительной части дворцовых поэтов и среди арабско-персидских переселенцев в Бухаре и Самарканде. Саманиды на протяжении всего своего правления считали себя верноподданными ‘Аббасидских халифов, и носили скромные титулы амир и маула. Следовательно, с юридической, т. е.

9 Впервые титул со словом ад-даула был введен халифом ал-Муктафи [12: с. 89]. О значении слова ад-даула в составе этих титулов см.: 69: с. 89.

10 Назначение и присуждение почетных титулов наместникам и чиновникам всегда происходили в присутствии халифа, который говорил ему: «Вот мое назначение тебе. Исполняй» [12: с. 68].

правовой точки зрения, правление Саманидов следует рассматривать не как торжество местной государственности, а как правление удельных правителей Хорасана и Мавераннахра в составе ‘Аббасидского халифата.

Источники

1. Абу Рейхан Бируни. Памятники минувших поколений / Пер. с араб. и примечания М.А.Салье // Избр. произв. Т. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.

2. Абу Са‘ид Гардизи. Зайн ал-ахбар. Украшение известий. Раздел об истории Хорасана / Пер. с перс. А.К.Арендса. Введение, комментарии и указатели Л.М.Епифановой. Ташкент, Фан, 1991.

3. Абу-л-Хасан ‘Али ибн Мухаммад аш-Шайбани ал-Джазари Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та’рих. В 12 томах. Миср: Булак, 1883 – 1885.

4. Ибн аз-Зубайр. Китаб аз-заха‘ир ват-тухаф / Изд. Мухаммада Хамид Аллаха, под ред. Салах ад-Дина ал-Мунджида. Ал-Кувайт, 1959.

5. Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат бис-сурах / Введение, перевод с арабско-персидского, комментарии, текст, факсимиле Ш.Х.Вохидова, Б.Б.Аминова / История Казахстана в персидских источниках. Т. 1. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

6. Абу-л-Хасан ‘Али ибн Мухаммад ибн Хабиб ал-Маварди. Насихат ал-мулук / Изд. Шайх Хадр Мухаммад Хадр. Ал-Кувайт: Мактабат ал-Фалах, 1403/1983.

7. Мухаммад ан-Наршахи. Та’рих-и Бухара. История Бухары / Вступительная статья Д.Ю.Юсуповой; перевод, комментарии и примечания Ш.С.Камолиддина; археолого-топографический комментарий Е.Г.Некрасовой. Ташкент: SMI-ASIA, 2011.

8. Абу Хафс ‘Умар ибн Мухаммад ибн Ахмад ан-Насафи. Китаб ал-канд фи зикр ‘улама’ Самарканд / Изд. Мухаммад Назара ал-Фарйаби. Ар-Рийад: Мактабат ал-Каусар, 1412/1991.

9. Абу Са‘д ‘Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам‘ани. Ал-Ансаб / Изд. ‘Абд ар-Рахмана ибн Йахйа ал-Му‘аллими ал-Йамани. В 12 томах. Байрут: Мухаммад Амин Дамадж, 1981.

10. Абу Мансур ас-Саолибий. Йатимат ад-дахр фи маҳосин ал-‘аср / Тадқиқ қилувчи, таржимон, изоҳ ва кўрсаткичларни тузувчи И.Абдуллаев. Тошкент: Фан, 1976.

11. Сиасет-намэ. Книга о правлении визира XI столетия Низам ал-Мулька / Перевод, введение в изучение памятника и примечания Б.Н.Заходера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

12. Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов (Русум дар ал-хилафа) / Пер. с араб., предисловие и примечания И.Б.Михайловой (ППВ, LXVII). М.: Наука, 1983.

13. Arib. Tabari Continuatus, quem edidit, indicibus et glassario instrixit M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum: E.J.Brill, 1965.

14. Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsori. Liber expugnationis regionum, quem e codice Leidensi et codice Musei Britannici / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum: E.J.Brill, 1863.

15. Hudud al-‘Alam. The Regions of the world, a Persian geography / Translated and explained by V. Minorsky. London, 1970.

16. Abu-l-Kasim Ibn Haukal an-Nasibi. Opus geographicum / Ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 2. Lugduni Batavorum: E.J.Brill, 1967.

17. Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Viae regnorum / Ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 1. Lugduni Batavorum: E.J.Brill, 1967.

18. Ahmad ibn Abi Jakub ibn Wadhih al-Katib al-Jakubi. Kitab al-Buldan / Ed. M.J. de Goeje. BGA, pars 7. Lugduni Batavorum: E.J.Brill, 1967, pp. 231 – 273.

19. Macoudi. Les prairies d’or, text et traduction C.Barbier de Meynard, t. I – IX. Paris: Societe Asiatique, 1861 – 1877.

20. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India / Arabic text (circa A.D. 1120) with an English translation and commentary by V.Minorsky. London: RAS, 1942.

21. Abu ‘Abdallah Mohammad ibn Ahmad Shamsaddin al-Moqaddasi. Descriptio Imperii moslemici / Ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 3. Lugduni Batavorum, 1967.

22. Najm al-Din ‘Umar ibn Muhammad al-Nasafi. Al-Qand fi dikr-i ‘ulama’-i Samarqand / Ed. by Yusuf al-Hadi. Tehran: Ayene-ye Miras, 1378/1420/1999.

23. Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Annales / Ed. M.J. de Goeje, I – III series. Lugduni Batavorum: E.J.Brill, 1964.

Литература

24. Абдуллаев И. Поэзия на арабском языке в Средней Азии и Хорасане X – нач. XI вв. Ташкент: Фан, 1984.

25. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Соч. в 9 томах. Т. 1. М.: Наука, 1963.

26. Бартольд В.В. Очерк истории Семи-

речья // Соч. в 9 томах. Т. 2 (1). М.: Наука, 1963. С. 23 – 106.

27. Бартольд В.В. История Туркестана (конспект лекций) // Соч. в 9 томах. Т. 2 (1). М.: Наука, 1963. С. 109 – 166.

28. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. в 9 томах. Т. 2 (1). М.: Наука, 1963. С. 169 – 433.

29. Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. и примечания П.А.Грязневича. М.: Наука, 1971.

30. Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М.: Наука, 1987.

31. Давидович Е.А. Вторая монета Саманида Нуха ибн Асада // ЭВ, вып. 9. М.; Л., 1954. С. 38 – 39.

32. Давидович Е.А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах // НЭ, вып. 6. М.: Наука, 1966. С. 103 – 134.

33. Давидович Е.А. Золото в денежном хозяйстве Средней Азии IX – XVIII вв. // БЧ, 1978, год четвертый (ТД). М., 1978. С. 23 – 25.

34. Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.: Наука, 1979.

35. Добровольский И.Г., Кочнев Б.Д. Монеты с именем Саманида Йахйи ибн Асада // ИМКУ, вып. 17. Ташкент: Фан, 1982. С. 190 – 198.

36. Ерназарова Т.С., Кочнев Б.Д. Материалы к истории торговли и денежного обращения Самарканда в IX – X вв. // ИМКУ, вып. 13. Ташкент: Фан, 1977. С. 131 – 154.

37. Жўраев З. Ал-Мовардийнинг «Ал-Аҳком ас-султонийя» асарида адлия ва давлат бошқарувига оид масалалар // Ҳуқуқ, 2003, № 4 (24). С. 61 – 63.

38. Камолиддин Ш.С. К вопросу о происхождении Саманидов // Archivum Eurasiae Medii Aevi, 15 (2006/2007) / Ed. by Th.T.Allsen, P.B.Golden, R.K.Kovalev and A.P.Martinez. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2008, p. 43 – 70.

39. Камолиддин Ш.С. Медальон Мансура ибн Нуха // Archivum Eurasiae Medii Aevi, 16 (2008/2009) / Ed. by Th.T.Allsen, P.B.Golden, R.K.Kovalev and A.P.Martinez, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009, p. 113 – 119.

40. Камолиддин Ш.С. Об этнической принадлежности правителя, изображенного на саманидской монете // Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. Вып. 4. / Отв. ред. Ш.С.Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2019. С. 99 – 125.

41. Крачковская В.А. Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье до IX в. // ЭВ, вып. 6. М.; Л., 1952. С. 46 – 100.

42. Мец А. Мусульманский ренессанс / Пер. с немец., предисловие, библиография и указатель Д.Е. Бертельса. М.: Наука, 1966.

43. Михайлова И.Б. Средневековый Багдад (Некоторые аспекты социальной и политической истории города в сер. X – сер. XIII в.). М.: Наука, 1990.

44. Наумкин В.В., Пиотровский М.Б. X – XII вв. в истории народов Ближнего и Среднего Востока – «эпоха трансформации»? // Мусульманский мир. 950 – 1150 (Материалы международного симпозиума по истории исламской цивилизации, Оксфорд, 1969). М.: Наука, 1981. С. 3 – 15.

45. Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX – X вв.). Душанбе: Дониш, 1977.

46. Пугаченкова Г.А. Хорасанские мавзолеи // Художественная культура Средней Азии IX – XIII вв. Ташкент: Фан, 1983. С. 14 – 29.

47. Радтке Б. Теологи и мистики в Хурасане и Трансоксании // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования). Сборник статей памяти Ф. Майера (1912 – 1998). СПб., 2001. С. 40 – 76.

48. Смирнова О.И. Потомок Гурека на процессе Афшина // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. V годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (1969 г.). Л., 1969. С. 70 – 72.

49. Тредвел Л. Использование титула «малик» («правитель») Саманидами // Вклад эпохи Саманидов в культурное наследие Центральной Азии (Материалы Международного семинара). Душанбе: Адиб, 1999. С. 88 – 93.

50. Сайиид Абу-л-Касим Фарузани. Саманийан – аз агаз-и та фарджам. Техран, 1381.

51. Ходжаниязов Т. Денежное обращение в государстве Великих Сельджуков (по данным нумизматики). Ашхабад: Ылым, 1977.

52. Шарль Р. Мусульманское право. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

53. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан. М.: Наука, 1981.

54. Якубовский А.Ю. Об одном раннесаманидском фельсе (Из ранней истории Саманидского дома) // КС ИИМК АН СССР. Т. 12. М.; Л., 1946. С. 103 – 112.

55. Bosworth C.E. The Titulature of the early Ghaznavids // Oriens XV, 1962, p. 210 – 233 / Reprinted in: Bosworth C.E. The Medieval History of Iran, Afghanistan and Central Asia, London: Variorum Reprints, 1977, X.

56. Bosworth C.E. An Alleged embassy from the emperor of China to the Amir Nasr ibn Ahmad: a contribution to Samanid military history // Yad-nama-ye Iraini-ye Minorsky / Ed. by M.Minovi and I.Afshar. Tehran, 1969, p. 1 – 13.

57. Bosworth C.E. The Interaction of Arabic and Persian literature and culture in the 10th and early 11th centuries // al-Abhath, XXVII, Beirut, 1978-9, p. 59 – 75 / Reprinted in: Bosworth C.E. Medieval Arabic cultures and Administration. London: Variorum Reprints, 1982, VIII.

58. The Cambridge History of Islam, I – IV volumes. Cambridge University Press, 1970.

59. Frye R. Development of Persian Literature under the Samanids and Qarakhanids // Yadnama-ye Jan Rypka, Prague, 1967, p. 69 – 74 / Reprinted in: Islamic Iran and Central Asia (7th – 12th centuries), London: Variorum Reprints, 1979, XXIII.

60. Frye R. The Arabic Language in Khorasan // Iran Society Silver Jubilee Souvenir, Calcutta, 1970, p. 131 – 134 / Reprinted in: Islamic Iran and Central Asia (7th – 12th centuries), London: Variorum Reprints, 1979, XXIV.

61. Frye R.N. The Golden Age of Persia. London: Phoenix Press, 1975.

62. Hennequin G. Macrodirhams Samanides inedits (Collection particuliere) // Annales Islamologiques, tome 20. Le Caire, 1984, p. 197 – 221.

63. Lowick N.M. An Early Tenth Century Hoard from Isfahan // Nunismatic Chronicle, 7th series, vol. 15. London: The Royal Numismatic Society, 1975, p. 110 – 154.

64. Lowick N. On the dating of Samanid outsize dirhams // Spink's Numismatic Circular, May, 1977, p. 204 – 207. London, 1977 / Reprinted in: Islamic coins and trade in the medieval world, Variorum, UK, 1990, VII, p. 1 – 8.

65. Lowick N. Kufic coin fragments from a Viking period hoard at Dysart // Peritia 3. Dublin, 1984, p. 345 – 350 / Reprinted in: Islamic coins and trade in the medieval world, Variorum, UK, 1990, III.

66. Minorsky V. Abu-Dulaf Mis'ar ibn Muhalhil's travels in Iran (circa A.D. 950). Cairo, 1955.

67. Oliver E.E. The Decline of the Samanis and the Rise of the Ghaznavis in Mawara-an-Nahr and part of Khurasan // Journal of the Asiatic Society of Bengalia, vol. LV, part 1, No. 2 (1886). Calcutta, 1887, p. 89 – 135.

68. Paul J. The Histories of Samarqand // Studia Iranica, t. 22, fascicule 1, 1993, p. 69 – 92.

69. Rozenthal F. History of Muslim Historiography / Second revised edition. Leiden, 1968.

70. Rosental von Ervin I.J. The Role of the State in Islam: Theory and the Medieval Practice // Der Islam, 50. 1. Berlin – New York, 1973, p. 1 – 28.

71. Sourdel J., Sourdel D. Dictionaire historique de l'Islam. Paris, 1996.

72. Sultanov T.I. A Manuscript of the Tarikh-i Narshakhi and an anonymous remark on the harmfulness of tobacco // Manuscripta Orientalia, vol. 6, No. 2, June 2000. St.Petersburg, p. 3 – 7.

73. Thomas E. On the coins of the kings of Ghazni // Journal of the Royal Asiatic Society, vol. 9, 1848, p. 267 – 386.

74. Treadwell L. The Political History of the Samanid State, PhD thesis, University of Oxford, 1991.

75. Treadwell W.L. A Unique Portrait Medallion from Bukhara dated 969 AD // The Ashmolean, 36 (Spring 1999), p. 9 – 10.

76. Treadwell L. 'Shahanshah and al-Malik al-Mu'ayyad: The Legitimation of Power in Samanid and Buyid Iran' // F.Daftary and J.W.Meri, eds., Culture and Memory in Medieval Islam. Essays in Honour of Wilferd Madelung. Londres, Tauris, in association with the Institute of Ismaili Studies, 2003, p. 318 – 337.

77. Luke W. Treadwell. The Samanids: The First Islamic Dynasty of Central Asia // Edmund Herzig and Sarah Stewart (eds.) Early Islamic Iran. The Idea of Iran. London and New York: I.B. Tauris, 2011, p. 3 – 15.

78. Ugur A. Osmanli Siyaset-nameleri. Ankara: Kultur ve Sanat yayinlari, 1988.

79. E. de Zambaur. Manuel de Genealogie et de Chronologie pour l'Histoire de l'Islam avec 20 tableau genealogiques hors texte et 5 cartes. Hanovre: Libraire Orientaliste Heinz Lafaire, 1927. ■